

[8, с. 251]. Образующая композиционная рамка не только подчеркивает сакральность образа, но и задает Чую как повествователя былей, собственно это не «чуйские были», а «были от Чуи». Таким образом, река уподобляется рассказчику, именно она повествует и смешные истории, и трагические. Шишков реализует этимологическую аналогию «река – речь», разворачивая сопоставление реки и человеческой жизни (судьбы) и еще раз настаивая на этом сопоставлении позже, в «Угрюм-реке». Значимо, на наш взгляд, и то, что главные для Шишкова реки – Тунгуска и Чуя – это правые притоки мощных и крупных рек – Енисея и Катунь. Латентность притоков здесь на самом деле кажущаяся: они – необходимый элемент целого, в контексте метафоры реки как человеческой жизни всякая «приточность» знаменует способность к обновле-

нию, сложную разветвленность и телеологическую целостность одновременно.

Своеобразие художественных приемов воссоздания восточных и южно-сибирских образов рек в творчестве В.Я. Шишкова показывает, что символика основного гидронима в «Угрюм-реке» носит более универсальный характер (река-жизнь), в алтайских текстах – подчеркивается ритуально-фольклорная и сказочная составляющая образов, усиливается их этнографическая и ландшафтная уникальность. Разница в данном случае связана и со временем написания текстов: алтайские произведения автора можно считать подготовительной лабораторией для будущего романа, отсюда тождественность приемов этого цикла и первого тома. Второй же том «Угрюм-реки» писался в другое время и в других обстоятельствах.

Список использованной литературы

1. Бедарева, И.А. Эволюция фольклорно-мифологической системы в русской литературе Горного Алтая / И.А. Бедарева. – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2011.
2. Королева, С.Ю. «Сибирский миф» в романе В. Шишкова «Угрюм-река»: на стыке художественных систем / С.Ю. Королева // Пограничные процессы в литературе и культуре : сб. ст. по итогам международной научной конференции, посвященной 125-летию Вас. Каменского. – Пермь : ПермГУ, 2009. – С. 41–43.
3. Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена : словарь / под общ. ред. Е.А. Худенко. – Барнаул : АлтГПУ, 2018. – 178 с.
4. Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.: антология: в 5 т. / под общ. ред. А.И. Куляпина. – Барнаул : Барнаул, 2012. – Т. 2. – 387 с.
5. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1989. – Режим доступа: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/ozhegov/ozhegov.html>
6. Тадина, Н.А. Река как образ родины у алтайцев / Н.А. Тадина // Реки и народы Сибири. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – С. 151–158.
7. Шишков, В.Я. Угрюм-река. Роман в двух томах / В.Я. Шишков. – Ленинград : Художественная литература, 1973. – Т. 1. – 443 с.
8. Шишков, В.Я. Чуйские были. Роман, очерки, рассказы / В.Я. Шишков. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1986. – 494 с.
9. Энциклопедия знаков и символов. Гора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php>

Н.С. Чижов
г. Тюмень, Россия

КНИГОТВОРЧЕСТВО СИБИРСКОГО ПОЭТА Ю. ВЭЛЛЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РФФИ, № 19-012-00503 «Модернизационный вызов в литературе Сибири».

Аннотация: В статье рассмотрены основные аспекты исследования книготворчества русских поэтов, представленные в литературоведении конца XX – начала XXI вв. Обозначены

жанровые, структурные и коммуникативные особенности таких смежных явлений, как книга стихов, лирический цикл и прозиметрическая книга. Намечены пути анализа книготворчества сибирского поэта Ю. Вэлла с учетом этнокультурной специфики его художественного мышления.

Ключевые слова: цикл, книга стихов, художественное целое, книготворчество, Ю. Вэлла.

N.S. Chizhov
Tyumen, Russia

BOOK OF SIBERIAN POET YU. VELLA: PROBLEMS OF RESEARCH METHODOLOGY

Abstract: The article discusses the main aspects of the book study by Russian poets, presented in literary criticism of the late XX – early XXI centuries. The genre, structural and communicative features of such related phenomena as a book of poems, a lyrical cycle and a prosimetric book are indicated. The ways of analyzing the book-making of the Siberian poet Yu. Vella are outlined, taking into account the ethnocultural specificity of his artistic thinking.

Keywords: cycle, book of poems, artistic whole, book-making, Yu. Vella.

Книга стихов как художественное целое является доминирующей формой «репрезентации поэзии» [1, с. 22] в русской литературе XX и XXI вв., что обуславливает неослабевающий интерес к исследованию книготворчества в современном литературоведении. Теоретическое изучение «книги стихов» в отечественной науке о литературе начинается в 1960-х годах и определяется интересом ученых-филологов к проблеме циклизации. Пионерами в области исследования лирических циклов являются Л.Я. Гинзбург, З.Г. Минц, П.П. Громов, Л.К. Долгополов. Эти ученые сосредоточились на анализе «поэтики творчества тех авторов, для которых цикличность была определяющим принципом: А.А. Блока, В.Я. Брюсова, их современников рубежа XIX–XX веков» [7, с. 3]. И.В. Фоменко одним из первых поставил вопрос о соотношении книги стихов и «собственно цикла» как основных форм циклизации. Разграничивая данные формы, исследователь приходит к выводу, что, в отличие от «собственно цикла», книга стихов «рождается стремлением к максимально полному, исчерпывающему воплощению авторского мировосприятия (разумеется, того периода, который ею представлен) во всех его сложностях и противоречиях». Тогда как у цикла, по мнению И.В. Фоменко, «более скромная и частная задача: выразить сложное отношение только к одной из граней бытия, преимущественно лишь к одной проблеме» [12, с. 6].

Одной из «главных форм художественной циклизации стихотворных произведений» считает

книгу стихов и М.Н. Дарвин. Ученым также используется понятие «сверхцикл», которое позволяет выразить потенциал, предельные возможности художественной циклизации, способной «объединять в своем составе не только лирику, но и поэмы, и произведения других жанров» [5, с. 96]. С похожих позиций рассматривает жанровую специфику книги стихов О.В. Мирошникова: исследователь выделяет, наряду с книгой-циклом как моножанром, которая может быть «дневником, поэтическим завещанием, исповедью, собранием посланий, поэтическим альбомом», «книгу-комплекс, или книгу-композицию циклов и отделов» как полижанровое образование, основанное «на принципе взаимодействия, контаминации нескольких жанровых тенденций» [8а, с. 13].

Еще одно понятие в литературоведении выражает жанровую специфику книжной циклизации – «ансамбль». Л.Е. Ляпина «ансамбль» и «цикл» изучает с точки зрения «двух видов многокомпонентных единств». Критерием их разграничения является, по мысли ученого, специфика композиционного оформления целого: если «цикл – носитель процессуально-временного начала», то «ансамбль – архитектурного, пространственного». Причем для ансамбля допустимо, как считает Л.Е. Ляпина, «различие художественного языка, то есть эстетическая неоднородность» [7, с. 14]. В.И. Тюпа при анализе лирического цикла также обращается к понятию «ансамбля» как единого контекста, характеризующегося «избранностью включенных в

него высказываний». Прообразом и парадигмой любых текстовых ансамблей в христианской культуре ученый считает «Библию и составляющие ее отдельные книги». «Суммативные» и «интегративные» текстовые ансамбли образуют, с точки зрения В.И. Тюпы, два полюса литературной циклизации: если первые строятся по принципу инсталляции или серии (такowymi могут считаться сборники стихотворений), то вторые – не просто сумма произведения, сплоченных определенным авторским решением, а контекстуальное единство, обладающее «собственной архитектурой и строго определенной композицией» [11, с. 157–160].

Понятие «ансамбля», как и «сверхжанровое монтажное художественное единство» [8а, с. 14], с нашей точки зрения, является эффективным для исследования книготорчества в поэзии, поскольку позволяют охватить не только книги стихов, но и ряд переходных образований, совмещающих, например, прозу и стихи в составе одного художественного целого. Отметим, что объем понятия «книга стихов» проблематизируется в современном литературоведении. Так, Н.В. Барковская, У.Ю. Верина и Л.Д. Гутрина справедливо ставят вопрос о необходимости «отделить понятие книги стихов от широкого спектра пограничных явлений, сочетающих поэзию, прозу, драматургию, визуальные и аудиосоставляющие» [1, с. 29].

Как известно, единство стихов и прозы (в широком смысле) в границах книжной макроструктуры принято рассматривать в качестве «прозиметрических образований». Наибольший расцвет различных видов «прозиметрии», по наблюдению Ю.Б. Орлицкого, происходит «в два последних десятилетия XX века, в связи с активным развитием русского постмодернизма», и знаменуется частотным обращением поэтов «ко всяческому маргиналиям, в том числе, комментарию, заголовочно-финальному комплексу и т.д.» [10, с. 542]. Заметим, что в прозиметрических книгах русских поэтов второй половины XX века проза частотно представлена в малой или миниатюрной форме. Это, по мнению Ю.Б. Орлицкого, объясняется, в частности, тем, что в стихотворном контексте прозаические «тексты», написанные поэтами, начинают, условно говоря, мимикрировать, приспосабливаясь к контексту» [10, с. 260].

Книгу стихов, в отличие от сборника, принято рассматривать в качестве «ансамблевого единства» отдельных текстов, объединенных архитектурным заданием и системой внутренних связей.

Последняя включает: 1) «лейтмотивные цепочки» [8б, с. 18]; 2) сквозные темы, 3) метасюжет, «организующий внутреннюю логику» авторского высказывания; 4) продуманное расположение текстов в рамках художественного целого; 5) общую «эмоциональную доминанту» [1, с. 26–28]. Кроме того, в исследовании лирического книготорчества уделяется внимание «рамочному комплексу издания», содержащему как текстовые компоненты (имя поэта/ заглавие, место и дата издания, предисловие, эпиграф, посвящение, «концевой стихотворный комплекс» и т.д.), так и «элементы полиграфического плана» (обложка, фотографии писателя, иллюстрации, качество бумаги и т.д.) [8б, с. 20–21].

Помимо обозначенных жанрово-структурных признаков книги стихов, в большинстве исследований по рассматриваемой проблематике подчеркивается ее особая коммуникативная природа, поскольку, с одной стороны, книжная макроструктура воплощает мирообраз и мироотношение автора [8б, с. 18] (в других вариантах – мировидение [1, с. 28], мировосприятие [12, с. 6] и т.д.). Но с другой стороны, книга одновременно, как заметил М.Н. Дарвин, является способом выражения «читательского восприятия» [5, с. 96], от которого зависит, сможет ли она реализоваться в сотворческой рецепции читателя в качестве художественной целостности или останется эстетическим пространством относительно самостоятельных текстов [7, с. 10–11].

В этом плане интересен подход к исследованию лирической книги, предложенный О.В. Мирошниковой. В основе его лежит сочетание «логико-аналитического и дивинационного» [8б, с. 18] принципов анализа сложных циклических образований стихотворного типа, актуализирующих открытия в области рецептивной эстетики и современной герменевтики с учетом бахтинского понимания природы эстетического объекта. Системное освоение книги стихов при таком подходе предполагает последовательное прохождение профессиональным читателем следующих этапов:

- первоначальное интуитивное определение «жанрово-текстовой специфики книги»,
- анализ структурных уровней книжной системы с дальнейшим определением ее «жанрового генезиса»,
- итоговое обобщение проведенных наблюдений в виде общего представления «о специфике образной концепции и архитектонике» книги [8б, с. 19].

Таким образом, книга как художественное целое в поэзии последних двух столетий представля-

ет собой сложное макроструктурное образование ансамблевого типа, способное объединять в одном контексте как стихотворения, относящиеся к одному или нескольким жанрам, так и тексты различной родовидовой принадлежности (стихи, проза, визуальный ряд и т.д.). В связи с этим принято отличать «книгу стихов» как художественное единство моно- или полижанровых стихотворных текстов от «прозиметрической книги» и других переходных макроструктурных конструкций. Системность книги определяется общим архитектурным заданием, воплощающим авторское мировидение. Наличие же «ассоциативных сближений и перекличек» [86, с. 18] между отдельными текстами, входящими в состав книги, предполагает активное исследовательское и сотворческое участие читателя в актуализации ее эстетической целостности.

В книготорческой практике представителей современной сибирской поэзии заметно выделяется опыт русскоязычного ненецкого поэта Ю. Вэллы (1948–2013). Все книги, начиная с «Вестей из стойбища» (1991 г.), поэт создавал как сложные макроструктурные образования монтажного типа, которые могут композиционно совмещать силлабо-тонические и тонические стихи, верлибры, малую прозу и прозаические миниатюры, ненецкий фольклор и этнографические исследования территории Обь-Иртышского речного бассейна. До сих пор книготорчество ненецкого поэта не выступало в качестве предмета целенаправленного исследования. Едва ли не единственным исключением можно считать монографию О.К. Лагуновой [6, с. 260], где отдельные аспекты книготорчества рассматриваются на материале таких книг поэта, как «Белые крики», «Вести из стойбища», «Триптихи (три по семь)».

Прежде всего, нужно отметить, что книготорческие эксперименты Ю. Вэллы обуславливаются этнокультурными особенностями художественного мышления поэта. Важным в свете сказанного является замечание критика М.Н. Мельникова о «синкретичности» избранной Ю. Вэллой художественной формы: «Это не эссе, не коллаж, тем более не рассказ, не поэма, а нечто самобытное, идущее от ненецкого фольклора, своеобразный «слепок» народной души, по-детски светлой, наивной, ранимой и по-стариковски мудрой одновременно» [9, с. 31].

Отметим, что в предисловии к книге «Белые крики» Ю. Вэллы самостоятельно пытается осмыслить прозиметрическую природу своего творчества. Поэт указывает, что ненецкий народ в силу истори-

ческих обстоятельств потерял «лучших сказителей» и фактически замолчал, и вспоминает об особой заслуге родной бабушки Ненги в сохранении этнического фольклора в роду Айвасада, представителем которого тот является. Однако бабушке Ненги, как отмечает Ю. Вэлла, в силу незнания языка внуками, на котором исполнялись «вести <...> плачи, песни» [2, с. 5] под народную мелодию или в форме стихов-наговоров, приходилось пересказывать содержание сказок на разговорном ненецком языке, понятном маленьким слушателям. Именно по этой причине, предполагает поэт, его творчество представляет собой «смесь прозы со стихами. Трезвые прозаические куски как бы дополняют, разъясняют более эмоциональные поэтические строки» [2, с. 8].

Для книготорчества Ю. Вэллы также характерно доминирование пространственного архитектурного начала в организации художественного целого, выражающегося преимущественно в числовой символике. Речь идет о традиционных для мифологии ненцев числах три и семь. Ярким примером числовой символики является триптих «Азбука оленевода»: все входящие в него произведения последовательно содержат три по семь, два по семь и один по семь пунктов правил и законов жизни оленевода в тундре: «1. Поговорки оленевода (3x7); 2. Арифметика для оленевода (2x7); 3. Кое-что из «Сакральной азбуки» (1x7)» [3, с. 72–76]. Известно, что три в самодийских верованиях «обозначает мироустойчивость и завершенность, это число постоянно встречается в мифах и фольклоре ненцев (три чума, три стойбища, три ручья, трехкрылый ястреб, три испытания и т.д.)» [6, с. 161]. Семеркою же, как показал А. В. Головнев, «счисляется ненецкий пантеон»: «жертвенники, сядай, дети богов, чумы, нарты, костры, четверти лунных периодов, количество слоев мерзлоты и неба, число остановок в пути, кратность жизни и смерти». Также, отмечает ученый, в корневой основе ненецкого слова си'ив, обозначающего семерку, содержатся такие пространственные значения, как «священная сторона чума, верхнее дымовое окно, отверстие – вход-выход, целый ряд образов предков и обитателей потустороннего мира» [4, с. 493].

К примеру, структура книги «Поговори со мной» включает внутри себя три равные части, а именно *три по семь* <текстов>. Причем каждый текст либо является триптихом, то есть в свою очередь состоит из трех композиционных элементов, либо отдельным стихотворением или рассказом. Единственное исключение – ранее изданная поэтом книга «Охота

на лебедей (диалог), которая входит в состав «Поговори со мной» как книга в книге. Обрамляющими композиционную конструкцию четвертой книги Ю. Вэлла являются следующие тексты: «Сказание о любви (триптих)» [3, с. 7] (1 текст) – «Охота на лебедей (диалог). Книга в книге» (7 текст) [3, с. 42] – рассказ «Ожидание (Из Канинской тетради)» [3, с. 42] (14 текст) – триптих «Поговори со мной (история одного перевода)» [3, с. 123], включающий одноименный рассказ на русском языке (21 текст).

Таким образом, в литературоведении был предложен понятийно-категориальный аппарат и разработаны подходы, необходимые для системно-целостного исследования книги с точки зрения художественного целого, включающей как однородные в жанровом отношении тексты, так и прозу, стихи, драматические произведения и т.д.

Рассмотренные теории и подходы нашли активное применение в исследовательской практике трех последних десятилетий. Однако предметом системно-целостного анализа становились преимущественно книги поэтов XIX – начала XX вв. [1, с. 31]. Это указывает на актуальность исследования данного феномена в современной поэзии. В рамках статьи были намечены пути анализа книготворчества сибирского поэта Ю. Вэлла с учетом этнокультурной специфики его художественного мышления. Кроме того, были выявлены такие особенности книготворческой практики поэта, как монтажное единство прозы и стихов в контексте макроструктурного образования и пространственная архитектура книг поэта, в основании которой лежит характерная для ненецкой мифологии числовая символика.

Список использованной литературы

1. Барковская, Н.В. Книга стихов как теоретическая проблема / Н.В. Барковская, У.Ю. Верина, Л.Д. Гутрина // Филологический класс. – 2014. – № 1. – С. 20–30.
2. Вэлла, Ю. Белые крики. Книга о вечном / Ю. Вэлла. – Сургут : Рекламно-издательский информационный центр «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз», 2000. – 168 с.
3. Вэлла, Ю. Поговори со мной. Книга для ненецкого студента и для того, кто хотел бы послушать ненецкую душу / Ю. Вэлла. – Нижневартовск : Изд-во «Приобье», 2004. – 128 с.
4. Головнев, А.В. Говорящие культуры: традиции самодицев и угров / А.В. Головнев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1995. – 607 с.
5. Дарвин, М.Н. Книга стихов / М.Н. Дарвин // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – Москва : Intrada, 2008. – С. 96–97.
6. Лагунова, О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) / О.К. Лагунова. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2007. – 260 с.
7. Ляпина, Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века / Л.Е. Ляпина. – Санкт-Петербург : НИИ химии СПбГУ, 1999. – 281 с.
8. 8 а. Мирошникова, О.В. Книга как текст, книга как контекст / О.В. Мирошникова // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3 : Учебное пособие. – Омск : Изд-во Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. – С. 10–15.
9. 8 б. Мирошникова, О.В. Специфика анализа и рецепции лирической книги / О.В. Мирошникова // Книга как художественное целое: различные аспекты анализа и интерпретации. Филологические штудии – 3 : Учебное пособие. – Омск : Изд-во Наследие. Диалог-Сибирь, 2003. – С. 16–22.
10. Мельников, М.Н. Вести из моего стойбища / М.Н. Мельников // Сибирские огни. – 1988. – № 10. – С. 30–31.
11. Орлицкий, Ю.Б. Стих и проза в русской литературе / Ю.Б. Орлицкий. – Москва : Изд-во РГГУ, 2002. – 685 с.
12. Тюпа, В.И. Анализ цикла / В.И. Тюпа // Анализ художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. – Москва : Издательский центр «Академия», 2009. – С. 157–203.
13. Фоменко, И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.01.08. / И.В. Фоменко. – Москва, 1998. – 32 с.